

О.О. Корсукова

«СОВЕТСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ» 1920-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ТЮМЕНИ): НАУЧНЫЕ МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Автор стремится опровергнуть устоявшееся в историографии мнение о том, что в СССР не существовало благотворительности, основываясь на комплексном анализе документов региональных архивов и материалов периодической печати 1920-х гг. Показано, что акты благотворения в основном совершались добровольно. При этом главной особенностью советской модели благотворительности стало ее сосуществование с «принудительными» формами, которые контролировались советской властью.

Ключевые слова: благотворительность; нэп; голод; беспризорничество; пожертвования

В октябре 2019 г. был опубликован Мировой рейтинг благотворительности (World Giving Index) фонда Чаритиз Эйд Фаундейшен (CAF). Согласно данным опросов (1,3 миллиона респондентов в 128 странах мира), за последние 10 лет Россия занимает 117-е место в мире по уровню развития частной благотворительности. В 2010 г. наша страна занимала 138-ю строчку, а в 2018 г. располагалась на 110-й. В основе исследования лежат три основных аспекта: частота помощи незнакомым людям, отчисление денежных средств в благотворительные организации, масштабы волонтерской деятельности [1].

В современной России, согласно исследованию, все больше людей жертвуют денежные средства незнакомым людям: «Доля тех, кто помогает незнакомым людям, выросла, по данным индекса за последние 10 лет, с 29 до 44%, а тех, кто совершает денежные пожертвования, – с 6 до 21%» [2]. Недостаточное финансирование со стороны государства медицины, образования, науки, культуры; дорогостоящее лечение для людей, которые больны раком; чрезвычайные ситуации, вызванные стихийными бедствиями в стране; чиновничья волокита в вопросах возмещения ущерба пострадавшим от ЧС вынуждают российское общество обращаться к поиску иных, негосударственных форм поддержки.

Поразившая страны мира пандемия в конце 2019 – начале 2020 г. оказывает влияние на развитие благотворительности. Многие страны направляют гуманитарные грузы с медикаментами, медицинской техникой и средствами индивидуальной защиты в те регионы, где пандемия носит массовый характер. Россия в числе таких стран-благотворителей, несмотря на то что и ее население тяжело переживает период пандемии. Спустя три месяца борьбы с COVID-19 представители крупного бизнеса, руководители социально ориентированных некоммерческих организаций (НКО) и эксперты отрасли впервые обсудили изменения в вопросе развития российской благотворительности. Экспертами отмечается рост благотворительных пожертвований в нашей стране, но прогнозы на будущее безрадостные. «Социально ориентированные НКО ждут сокращения сборов до конца 2020 г., так как более половины из них не получили пожертвований от своих постоянных доноров» [3].

Особенностью современных актов благотворения становится тот факт, что чаще всего они совершаются онлайн, а не наличными денежными средствами. Однако эксперты сходятся во мнении, что спрогнозировать активность частных пожертвований онлайн в новых сложившихся условиях невозможно [4]. Учитывая сложность ситуации, возможно, стоит вновь обратиться к истории развития благотворительной деятельности в России. Например, оценить опыт СССР 1920-х гг., который незаслуженно игнорировался учеными до недавнего времени либо рассматривался в рамках социалистической идеологии через отрицание существования этого явления. Советская благотворительность времен нэпа – яркий пример того, как молодое Советское государство в условиях массового голода, эпидемий и чрезвычайных ситуаций успешно справлялось с решением социальных проблем, обратившись к благотворителям вне государства и стимулируя развитие этой деятельности среди советских граждан.

Особый интерес у большинства исследователей вызывает дореволюционный период истории России. В тот период особая роль отводилась российскому купечеству, щедро жертвовавшему на общественные нужды, здравоохранение, развитие культуры и образования, обездоленным и сиротам. В российскую историю вошли фамилии известных меценатов Третьяковых, Мамонтовых, Бахрушиных, Морозовых, Строговых, Басовых и др. Тюмень по праву гордится благотворительной деятельностью Игнатова И.И. (1864–1915.), Иконникова И.В. (1793–1867), Колмогорова Ф.С. (1824–1893), Колокольникова И.П. (1829–1895), Подаруева П.И. (1823–1900), Чукмалдина Н.М. (1836–1901), Текутьева А.И. (1838–1916) и др. Однако запрещенная законом благотворительная деятельность в СССР, которая все же стала спасательным кругом для нуждающихся в 1920-е гг., также оставила в наследство нашему поколению имена частных предпринимателей и неравнодушных граждан, совершавших щедрые акты пожертвования в условиях массового голода, эпидемий и экономической разрухи.

Ряд современных ученых продолжают утверждать, что в послереволюционный период были полностью утрачены традиции меценатства, а благотворительной деятельности в СССР не существовало. Обратимся к статье З.А. Ахмутхановой «Благотворительные фонды как источник финансирования социальной сферы в

России», посвященной современному развитию благотворительности в нашей стране, где автор дает оценку советскому периоду, отмечая следующее: «В советский период Россия утратила благотворительные ценности...» [5. С. 224]. В доказательство своего тезиса автор не приводит аргументов, не ссылается на источники или работы предшественников, разделяющих ее точку зрения.

Сходные мысли были опубликованы в статьях канд. ист. наук, доцента Р.Ш. Хакимова: «Практика благотворительности и меценатства после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. фактически на многие десятилетия была утеряна. В советское время благотворительность, милосердие как идеология была просто исключена из жизни как явление, присущее буржуазному обществу» [6. С. 147–148]. В качестве источника, позволившего сделать данный вывод, автор приводит последнее издание Большой советской энциклопедии, в которой он не встречает такие понятия, как «благотворительность» и «милосердие».

Позиция Р.А. Габдрахмановой в работе «Развитие благотворительности в России» четко аргументирована. По логике автора, не только идеология советской России не допускала никаких форм благотворительности, но и решение власти о национализации всех средств дореволюционных общественных благотворительных организаций с последующей их ликвидацией. Обратившись к тому, какой смысл вкладывало правительство в термин «благотворительность», опубликованный в Большой советской энциклопедии в 1927 г., в 1950-е гг. и в конце 1960-х гг., Р.А. Габдрахманова подчеркивает, что в годы советской власти благотворительности как явления вообще не существовало, а все социальные проблемы решались официальными органами [7. С. 106].

Отсылку к историческим источникам, свидетельствующим в пользу точки зрения об отсутствии в советский период благотворительности, мы находим и в работах И.Е. Карповой, посвященных истории благотворительности и спонсорства в России. В частности, исследователь авторитетно заявляет: «История благотворительности в СССР начинается 26 апреля 1918 г. с ленинского декрета. Согласно этому декрету, милостыня и благотворительность объявлялись чуждыми, и сфера заботы об инвалидах и престарелых становилась монополией государства» [8. С. 377]. В работе автор также заявляет о том, что частная благотворительность окончательно умрет вместе с нэпом. Этим выводом он допускает существование актов благотворения среди советских граждан в период расцвета частной собственности.

Сотрудник дальневосточного научного центра местного самоуправления Т. Пантюхина в своей работе «История развития благотворительности в России и на Амуре» выделяет три периода развития благотворительности в России, которые делит на 6 этапов. советский период (после 1917 – до 90-х гг. XX в.), по мнению автора, характеризовался отсутствием на практике понятия благотворительности. Существовавшие общественные организации находились в государственном управлении и финансировались вла-

стью. «Понятие благотворительной деятельности было заменено на “шефские” взаимосвязи», – подчеркивает автор [9].

Подводя итог анализу работ статейного характера, написанных современными учеными и отчасти посвященных проблеме существования «советской благотворительности», нам представляется возможным обозначить три основных научных мифа по этой проблеме.

Самое распространенное заблуждение среди исследователей сводится к тезису «после революционных событий 1917 г. все социальные проблемы в СССР решались исключительно советской властью». Второй научный миф можно определить так: «в советский период (1917–1991 гг.) Россия утратила все дореволюционные благотворительные ценности». в третьих, стоит отметить спорное мнение исследователей о том, что запрет советской властью благотворительной деятельности в СССР и отказ от использования термина «благотворительность» в официальных документах и СМИ смогли полностью исключить это явление из жизни советского общества.

Основываясь на ранее неопубликованных архивных документах и материалах периодической печати, мы предпринимаем попытку развенчать научные мифы, дополнив белые пятна истории России 1920-х гг. новыми фактами и примерами.

Итогами революционных событий и Гражданской войны в России стали разруха, нищета, эпидемии и голод, детская беспризорность и т.д. Ситуацию усугубил неурожайный 1921 г. и привел к масштабному, массовому голоду среди населения. «Голод длился несколько лет, охватил значительную часть страны, на которой проживало более 30 миллионов человек, жертвами голода стали не менее 1 миллиона, а по некоторым оценкам – более 5 миллионов человек» – сообщается в статье Ю.Ю. Аншаковой [10. С. 229]. Государственный и партийный деятель СССР А.Н. Винокуров в статье «Итоги голодной кампании», опубликованной в 1922 г., приводит подробную оценку сложившейся ситуации в стране: «23 губернии, области и союзные республики с населением более 30 000 000 человек охвачены были давно невиданным неурожаем. Ко времени сбора нового урожая около 23 000 000 человек стояли под угрозой голодной смерти» [11. С. 6].

Ответственными за решение глобальной проблемы в стране были назначены органы ЦК помощи голодающим, наркомпрода, центросоюза. В первые же месяцы работы «с огромным напряжением сил и средств удалось организовать кормление 14 000 000 человек. Путем эвакуации в благополучные губернии также от голода было спасено население более пострадавших районов. Со стороны советских граждан, армии и профсоюзных организаций была организована помощь, которая выразилась в 10 000 000 пудов продовольствия и 7 триллионах рублей денежными знаками. В голодные районы был направлен скот и сельскохозяйственная техника», – отмечается в отчетной работе А.Н. Винокурова [11. С. 6]. Однако около 10 млн граждан СССР оставались под угрозой голодной смерти. Внутренние ресурсы оказались недоста-

точными. Разрушенными оставались промышленность и экономика страны.

Дальнейшие действия советского руководства противоречили идеологическим установкам во внешней и внутренней политике, но власть оказалась вынуждена обратиться за благотворительной помощью к капиталистическим странам мира. Это событие нашло отражение и в зарубежной прессе. На страницах британского журнала «Панч» мы встречаем карикатуру, которая сообщает нам следующее: «Ленин: а! Так вы пришли на мой призыв спасти Советскую Республику! Благотворительность: нет, я пришла спасти жителей советской республики – от вас самих и вопреки вашему призыву!» [12. Vol. CLXI (161). P. 131]. Очевидно, что, по задумке автора, благотворительность олицетворяет страны мира, которые оказали благотворительную помощь советским гражданам в первые годы нэпа, не разделяя и осуждая политику советской власти.

В начале нэпа помощь голодающим в СССР оказывалась шестью заграничными благотворительными организациями: АРА, Международным комитетом помощи голодающим (Нансен), Международной федерацией профсоюзов при II интернационале (трэд-юнионы), Международным рабочим комитетом при III интернационале, меннонитами американскими и голландскими, Французским красным крестом.

До настоящего времени малоизученным остается факт о благотворительной помощи американского народа в рамках American Relief Administration (ARA – Американская администрация помощи) Советской России в начале 1920-х гг. Особый интерес данная тема вызывала у следующих российских ученых: Ю.Ю. Аншаковой, В.А. Погромского, Н.В. Усманова, А.Ю. Федотовой, Ю.Ю. Хмелевской и др. В статьях Ю.Ю. Аншаковой и Н.В. Усманова подчеркивается большое значение благотворительной помощи из Америки, благодаря которой (по мнению ученых) не только успешно возрождались экономика страны, но и были спасены тысячи жизней голодающих советских граждан.

Нельзя оставить без внимания зарубежную научную литературу. Оценка действий советского руководства в условиях массового голода дается в работах доктора философии, профессора русистики и русской истории Гарвардского университета Ричарда Пайпса [13]. Согласно Р. Пайпсу, СССР, получив благотворительную помощь от капиталистических стран, осуществляло продажу драгоценностей и продовольствия, чтобы на вырученные денежные средства приобрести промышленное и сельскохозяйственное оборудование. Данный факт воспринимается ученым как предательский поступок в отношении голодающего советского народа со стороны власти. В 1920-е гг. министр торговли США Гувер был настроен решительно и негативно в отношении действий советской власти. Он был поражен «бесчеловечной политикой правительства, отрывающего у голодающего народа продовольствие в обмен на импорт оборудования и сырья, ради успешной хозяйственной деятельности тех, кому посчастливится выжить» [14. С. 189] и выра-

зил протест против данных действий советской власти. В июне 1923 г. АРА прекратила свою благотворительную деятельность в пользу СССР. При этом американские промышленные предприятия сохраняли деловые отношения с СССР, предлагая кредиты для приобретения сельскохозяйственной техники. В декабре 1925 г. у американской автомобилестроительной компании «Форд» СССР приобрел 10 тыс. тракторов с доставкой в границы Черного моря к 1 января 1926 г. [15. С. 1]. В конце 1920-х гг. при содействии «Форда» в Нижнем Новгороде началось строительство автозавода.

В опубликованных советскими государственными деятелями статьях за 1922 г. содержится оценка благотворительной помощи АРА и капиталистических стран в борьбе с голодом. Например, «всероссийский староста», партийный деятель М. Калинин в статье «Год работы» подчеркивает: «В том, что их (заграничные благотворительные организации) роль, в особенности АРА, была огромна, нет никакого сомнения» [16. С. 5]. А.Н. Винокуров конкретизирует статистическими данными этот тезис: «Зарубежные организации предоставили 32 000 000 пудов продовольствия. Благодаря этой помощи в СССР питалось около 11 000 000 человек» [11. С. 6]. Что касается деятельности на территории СССР АРА, то не стоит упускать из вида следующий факт: СССР брал на себя все расходы по содержанию аппарата и учреждений АРА [17. С. 14].

Летом 1921 г. в Риге было подписано соглашение между Правительством РСФСР и АРА. Америка дала согласие выделить добавочное питание для 1 млн советских детей в районах, страдающих от засухи. К июлю 1922 г. на территории СССР АРА и зарубежные организации снабжали продовольствием уже 3 645 000 детей [18. С. 32]. Работа АРА началась в Самарской губернии, постепенно включив в этот перечень территории 30 губерний, автономных областей и республик РСФСР и 8 губерний УССР.

Продовольственная помощь иностранных государств должна была стать добавочной для голодающих в СССР. Однако в условиях страшного голода продовольственный паек был единственным в рационе большинства советских голодающих семей. Каждый из питаемых АРА советских детей в сутки получал около 700 каллорий (детская норма каллорий в сутки равна 1 500–1 700). Позднее был организован и взрослый паек, который состоял из 410 г кукурузы, что составляет 1 236 каллорий (у мужчин норма каллорий в сутки равна 2 500, а у женщин – 2 000) [19. С. 338–340]. Советская власть, получив благотворительную помощь в снабжении продовольствием взрослого населения, также была вынуждена организовать общественное питание в столовых за свой счет и исходя из собственных скудных продовольственных запасов [11. С. 19].

Несмотря на все усилия власти и иностранных государств (табл. 1 и 2), проблема детского питания в условиях массового голода не была полностью решена. Статистические данные за 1921 г. показывают, что в СССР голодало от 7 000 000 до 10 500 000 детей [18. С. 32].

Детский продовольственный паек, предоставляемый АРА, на одного ребенка по дням недели

День недели	Меню
Понедельник	Какао сладкое с молоком, хлеб
Вторник	Рисовый пудинг, хлеб
Среда	Рис с лапшой (молочный суп), хлеб
Четверг	Какао сладкое с молоком, хлеб
Пятница	Рисовый пудинг, хлеб
Суббота	Бобы, хлеб
Воскресенье	Рис с лапшой (молочный суп), хлеб

Таблица 2

Недельная норма продуктов, входящих в детский паек

Наименование продукта	В золотниках	В граммах (≈)
Какао	6,56	28
Сахар	26,26	112
Молоко	58,92	250
Мука	175,37	748
Бобы	32,85	140
Рис	56,26	240
Жиры	14,07	60

Спасти от голода подрастающее поколение СССР стало важнейшей задачей для советского руководства. Дополнительно к помощи иностранных государств в СССР было организовано «общественное питание в столовых для 1 070 750 детей, врачебно-питательные поезда кормили еще 30 000 детей и на государственное снабжение были оформлены 215 000 ребят», – отмечает Н. Семашко в статье «Дети и голод» [18. С. 32]. Только врачебно-питательные поезда в 1921 г. выдали в 6 населенных пунктах СССР 1 596 303 обеда, а в 1922 г. уже в 13 населенных пунктах (включая Екатеринбург – 79 300 обедов) 3 945 363 обеда. Кроме того, оказывалась безвозмездная медицинская помощь детям. В 1921 г. в 6 населенных пунктах было принято амбулаторно 28 960 детей. В 1922 г. в 11 населенных пунктах – 28 839 детей, включая 406 детей в городе Екатеринбург [19. С. 470].

В феврале 1922 г. в список благотворительной помощи от иностранных государств была включена Уральская губерния, а в апреле того же года – южная часть Екатеринбургской губернии [19. С. 335]. Соседняя с Тюменской губернией территория также получила значительную благотворительную помощь и от Французского Красного Креста. В июле 1922 г. он направил в СССР гуманитарную помощь: 219 473 пудов 26 фунтов продовольствия, 2 369 пудов 2 фунта одежды, 2 544 пудов 21 фунт медикаментов, 2 376 пудов 38 фунтов прочего груза. Всего 226 763 пуда 38 фунтов товаров. Из этого количества 988 000 пудов было распределено в Москве, остальное количество отправлено в Екатеринбург [19. С. 346].

До неурожайного 1921 г. Тюменская губерния успешно производила хлеб и продукты сельского хозяйства. Из-за неурожайного года изменился и статус губернии. Несмотря на то, что, как и Екатеринбургская, она была признана нуждающейся, благотворительной помощи от АРА или европейских организаций Тюменская губерния не получала.

Тюменская Губернская комиссия помощи голодающим была организована 10 августа 1921 г. Работа

Губкомиссии сводилась к введению местных налогов и организации денежной лотереи, в результате которой было собрано 3,5 миллиарда рублей. Материальную и продовольственную помощь от комиссии в первую очередь получали неблагополучные уезды губернии. Их было признано три: Ишимский, Ялуторовский и Тобольский. По Ишимскому и Тобольскому уездам насчитывалось голодающих взрослых 133 556 человек и детей – 85 394 человека [19. С. 317]. Согласно переписи населения в 1920 г. в Тюменском уезде проживало 125 724 человека [20. Л. 36]. Архивные документы подтверждают тот факт, что голод коснулся немалой части населения и этого уезда. Тюменский Губком РКП(б) в протоколах заседания комиссии помощи голодающим за 1921–1922 гг. фиксирует данные о числе голодающих, погибших и выехавших из Тюменского уезда граждан: 10 360 (взрослое население) и 9 252 (дети) – голодающие, 478 – умерли от голода, 469 семей выехали из уезда [21. Л. 51]. Тюменские СМИ в 1922 г. ежедневно публикуют актуальную, но ужасающую информацию о голодающих и погибших в городе жителях: «В один день я пошла на толчок (стихийное место торговли в Тюмени в 1920-е гг., огороженное заплотом, с вывеской и входными воротами) и увидела семью голодающих, которые обессиленные лежали прямо на земле» [22. С. 3]. «На площади близ станции Тюмень валяются трупы беженцев. Тут же лежат еще живые люди, находящиеся при смерти. Трупы валяются по несколько дней, запах стоит невыносимый» [23. С. 3].

С 10 августа 1921 г. по 1 мая 1922 г. в фонд тюменской Губкомиссии поступило хлебных продуктов 5 479 пудов 4 фунта, разных продуктов – 5 448 пудов 35,5 фунтов. Пожертвования деньгами выразились в сумме 892 140 183 рубля. Тюменская Губкомиссия оказала помощь Уфимской, Екатеринбургской и Челябинской комиссиям в виде отправки хлебных продуктов 2 970 пудов и прочего продовольствия 2 752 пуда, а также перечислив в их пользу 386 880 065 рублей [19. С. 317–318].

Численность голодающих Тюменской губернии в сравнении с другими территориями была меньше. Например, в октябре 1921 г. в Саратовской губернии насчитывалось 893 325 человек, нуждающихся в питании. А к январю 1922 г. цифра увеличилась до 1 338 900 человек, среди которых 591 100 составляли дети [19. С. 236]. В связи с этим Тюменской губернии в борьбе с голодом приходилось рассчитывать на скромные местные ресурсы. Согласно данным А. Халатова, опубликованным в статье «Государственная семенная помощь голодающим», на весеннюю посевную кампанию 1922 г. Тюменская губерния должна была получить 406 000 пудов зерна. В итоге поставка из центра составила 92,7% от данного объема (376 473 пуда зерна) [24. С. 76]. Для полного засева площадей этой помощи оказалось недостаточно. Озимый клин был засеян площадью 47 872 десятины из планируемых 89 000 десятин. Площадь посева ярового клина, утвержденная в 584 300 десятин, также не была полностью засеяна из-за недостаточного количества семян [19. С. 317].

Государственной кампанией по борьбе с голодом в провинциальной печати руководили Центроусты. Руководством было подготовлено 46 радиоинструкций, направлено в провинциальные СМИ 67 тематических статей и 77 критических обзоров. Главной целью провинциальных СМИ было привлечение населения СССР к благотворительному сбору пожертвований продовольствия, теплой одежды и денежных средств. В октябре 1921 г. перед прессой была поставлена задача сделать случайные пожертвования регулярными с помощью пропаганды. Такая благотворительная кампания в СМИ проходила под лозунгом «Десять сытых кормят одного голодного!» [19. С. 150].

В тюменской прессе регулярно публиковалась информация о благотворительной помощи российскому народу иностранными государствами. В газете «Трудовой набат» от 13 мая 1922 г. сообщалось о визите в Москву представителя Американской администрации помощи, который сообщил о том, что к 15 марта в Америке в пользу голодающих в России было собрано 18 000 000 пудов продуктов. В середине мая 1922 г. 48 пароходов с продовольственными грузами направились в Россию [25. С. 2]. На этом благотворительная кампания американцев не закончилась. 25 мая 1922 г. местная пресса сообщила тюменцам о том, что «АРА направила голодающим районам России 170 000 пар обуви, свыше полмиллиона пар чирок, много костюмов, пальто, одеял и прочего» [26. С. 3]. Благотворительная помощь поступала и из европейских государств. «Межрабпомгол отправляет 15 мая из Штеттена (Германия) в Петроград пароход “Национал” с 1300 тонн груза, в том числе 900 тонн муки и 6 вагонов сахару», – говорилось в тюменском «Трудовом набате» 13 мая 1922 г. [25. С. 2]. Данная информация воспринималась тюменцами как яркий пример доброй воли и служила руководством к действию, культивировала у советского гражданина такие качества, как сострадание, отзывчивость, ответственность за чужую жизнь, доброту.

Не имея возможности рассчитывать на помощь от иностранных благотворительных организаций, торго-

вые организации и жители провинциальной Тюмени, вдохновившись примером иностранцев, сами становились благотворителями. Единое потребительское общество Тюмени отчислило по 2% с торговых операций на помощь голодающим. Частные пожертвования составили 4 500 рублей [27. Л. 2].

Пожертвования от тюменского населения в Центральную комиссию по борьбе с последствиями голода 1921 г. в 1921–1923 гг. составили в 1 850 304 рублей 50 копеек. Продовольственная помощь мукой, крупой, рыбой, мясом, солью, маслом, овсом, яйцом и конфетами была значительной и своевременной [28. С. 4]. Кроме того, с середины марта 1921 г. в Тюмени приступили к созданию городского материального и денежного фонда Последгола, главным источником ресурсов которого стали отчисления и пожертвования жителей Тюменского уезда [29. С. 4].

С 22 августа 1921 г. по 15 апреля 1922 г. в Тюменском районе были осуществлены пожертвования работников водного транспорта на сумму 355 518 925 рублей, проведены 19 субботников и воскресников. 28 благотворительных спектаклей, концертов и лекций выразились в 32 579 799 рублях в пользу голодающих. Тюменская столовая водников обеспечивала питанием 222 человека, страдающих от голода. Частные пожертвования составили 5 758 418 рублей. Кроме того, жизнь детей двух детских домов в Тюмени и одного в Тобольске также зависела от пожертвований работников водного транспорта и пропаганды благотворительной деятельности среди городского населения [30. С. 2].

Тюменцы продолжали осуществлять не только денежную помощь, но и совершали акты пожертвования, вдохновившись опытом других городов. Например, «фонд одной папироски», появившийся в Воронеже для помощи голодающим, существовал и в Тюмени. Каждый курящий гражданин призывался воздержаться от выкуривания одной сигареты ежедневно, а денежные средства, равные ее стоимости, – жертвовать в пользу голодающих. Только в Тюмени из 44 536 человек курящими были более 11 000 горожан. Редакция «Трудового набата» подсчитала, что стоимость одной сигареты (6 000 рублей), умноженная на число курящих в городе, даст в пользу голодающих ежедневно более 66 000 000 рублей. Этой суммы хватило бы для питания 133 голодающих детей [31. С. 4]. Первыми участниками благотворительной кампании в Тюмени стали Валентин Обдорский, Василий Гаркунов и Василий Старцев, сделав отчисления за месяц по 180 000 рублей каждый [32. С. 4]. Этот пример показывает, что любая помощь голодающим была важна. Равнодушие в отношении вопросов благотворительности в тюменских СМИ приравнялось к преступлению и осуждалось.

Наряду с добровольной благотворительностью зарождалось шефство торговых организаций над нуждающимися в провинциальной Тюмени. Так, подшефная тюменскому ЕПО команда связи 169-й бригады получила в мае 1922 г. 3 пуда 8 фунтов колбасы, 2 пуда 20 фунтов мыла, 95 пар носков, кожаные лоскуты и кожу, хозяйственные вещи на сумму 573 000 рублей [33. С. 3]. Шефство над детьми-сиротами красноармейцев, детьми беднейших членов-

пайщиков тюменского Центрального рабочего кооператива (Церабкапа) в 1920-е гг. – пример проявления благотворительности. В 1929 г., учащиеся тюменской школы имени Серова в количестве 50 человек получили от правления Церабкапа материал для пошива одежды [34. С. 4]. В честь 12-й годовщины Октябрьской революции дети бедняков, партизан, красногвардейцев, инвалидов также получали на безвозмездной основе от Церабкапа одежду и обувь [35. С. 4].

Материалы зарубежной, столичной и местной периодической печати свидетельствуют о том, что советская власть в борьбе с голодом 1921–1922 гг. и его последствиями, вопреки собственным идеологическим установкам, была вынуждена обратиться за помощью к капиталистическим странам мира. Для миллионов голодающих советских граждан это стало спасением жизней. Для остальных жителей СССР акты благотворения иностранных государств явились достойными примерами и руководством к действию.

Таким образом, научный миф о том, что в СССР после революционных событий 1917 г. все социальные проблемы решались исключительно советской властью, оказывается неверным. Власть была вынуждена принять благотворительную помощь извне, культивировать данную деятельность в сознании советского общества, создавать положительный образ «советского благотворителя» посредством СМИ (тем самым возделывая почву для развития советской благотворительности под контролем государства в будущем) и поощрять акты благотворения, инициированные представителями советской власти на местах, советскими торговыми организациями, нэпманами, церковью и, наконец, рабочим классом.

Тезис о том, что «в советский период (1917–1991 гг.) Россия утратила все дореволюционные благотворительные ценности», является спорным. Новая власть отказалась от ряда форм дореволюционной благотворительной деятельности, ввела запреты на ее развитие среди «нового» общества, но утратить полностью вековые традиции меценатства оказалось невозможным в условиях разрухи, голода и упадка экономики. Зачастую представители государственной и кооперативной торговли ставились в пример горожанам как самые яркие и активные представители благотворительности в стране. Меценатов из купеческого сословия сменила новая прослойка общества – нэпманы. В борьбе с голодом 1921–1922 гг. власть была вынуждена обратиться к Русской православной церкви, традиционно совершавшей акты милосердия в пользу нуждающихся.

Тюмень – первый русский город Сибири. К 1917 г. он прославился как торговый город с крепкими традициями меценатства. Это означало, что после революции в этом регионе сильнейшие традиции благотворительности не только не исчезли, но и легли в основу важных социальных программ, разработанных новой местной властью. 25 декабря 1921 г. комиссией Губернского исполнительного комитета в г. Тюмени был утвержден проект о прикреплении детских домов губернии к рынкам. Рыночные торговцы обязывались жертвовать денежные средства на их содержание. В рамках проекта предусматривалось и натуральное

рыночное обложение с торговцев как собственного, так и перекупного продукта и материала [36. Л. 57].

Первым в стране по созданию благотворительной организации с привлечением в нее равнодушных граждан был опыт Тюмени. 7 июля 1924 г. городская комиссия при Окружном отделе народного образования и науки по улучшению жизни детей приступила к созданию «Общества друзей детей». Борьба с детской беспризорностью и преступностью, открытие детских домов, столовых и клубов, реэвакуация детей на родину, создание благотворительных фондов – основные задачи общества [37. С. 4].

Главная государственная торговая организация в стране (ГУМ) стала достойным примером в вопросах осуществления и развития благотворительности. Вызванный военными событиями и массовым голодом рост беспризорничества в СССР побудил и Тюменское отделение ГУМа разработать ряд благотворительных акций с целью сбора средств на борьбу с этим явлением и провести широкую рекламную кампанию в данном направлении. Кроме того, коллектив Тюменского ГУМа стал образцом сплоченной команды благотворителей, регулярно отчислявшей денежные средства в пользу детей-сирот, на борьбу с беспризорничеством и детской преступностью, в пользу развития местного образования (студенчества), а также граждан, пострадавших от наводнения в Ленинграде (1924 г.) и иных чрезвычайных ситуаций.

В местной прессе мы встречаем лозунги и призывы ГУМа к актам благотворения: «День красного студенчества! Кто сочувствует, покупайте в этот день в ГУМе!» [38. С. 4], «Праздничный базар в ГУМе в пользу Детского городка имени Ленина», «День детского городка имени В.И. Ленина. Базар с отчислением 5% в пользу детского городка. Покупайте в эти дни в ГУМе!» [39. С. 4], «Сотрудники ГУМа помогли ленинградцам!» [40. С. 3] и т.д.

Местной торговой кооперации опыт ГУМа ставился в пример в статьях и заметках «Трудового набата» [41. С. 3]. Кооперация реагировала незамедлительно, проводя подобные акции добровольных пожертвований [42. С. 2]. Показателен поступок сотрудника Церабкапа, который передал золотое кольцо со вставкой в пользу строящегося детского дома им. Ленина в Талице (близ Тюмени) [43. С. 4].

Представители частной торговли, среди которых можно встретить как фамилии дореволюционного купечества, так и новые имена, имели возможность жертвовать большие денежные средства, чем жертвовали обычные советские рабочие. Несмотря на то что в СМИ образ нэпмана был отрицательным и рисовался негативными эпитетами (нэпач, торгаш, спекулянт, обиралова, эксплуататор), на деле благотворительная помощь представителей этого класса сыграла значимую роль в поддержке детей-сирот, студентов, ленинградцев в 1924 г. и в решении городских социальных проблем.

Среди представителей дореволюционной предпринимательской деятельности, продолживших торговлю в период нэпа, стоит привести в пример фамилию Богданова – торговца мясом до революционных событий, который сохранил свое дело в период нэпа.

В 1920-е гг. именно он носил звание «богатейшего» нэпмана Тюмени [44. С. 4]. Новые имена и фамилии частных торговцев мы встречаем в местной прессе, где регулярно публиковались информационные сводки о пожертвованиях [45. С. 4], призывы к помощи нуждающимся и сиротам и т.д. В рубрике «Поможем беспризорным детям!» указаны фамилии нэпманов-благотворителей: Городков, братья Жановы (мануфактурные товары), Кривошапкин и Вилькер (железно-скобяные товары), Федоров и Редикольцев (бакалейные товары), Духовских (мясные товары), Громов (галантерейные товары), Шапиро (торговец обувью), Шешуков и Драбкин (торговля канцелярией) [46. С. 4]. Братья Вилькер в 1924 г. внесли 10 облигаций на сумму 50 рублей в помощь Ленинграду. За ними последовали Шавалихин, Рабинович, Фелюшенко, братья Федоровы, братья Жановы, Ракин, Венгерских и Кох [47. С. 4]. В ответ на их вызовы торговец железно-скобяными товарами Маняфов пожертвовал также 50 рублей облигациями [48. С. 4].

Тюменские нэпманы брали на свое попечение детей-сирот красноармейцев, однако подобные действия чаще всего осуждались горожанами. Нэпман-усыновитель нарекался безжалостным и жадным эксплуататором [49. С. 4]. Однако стоит учитывать тот факт, что в тюменских детских домах сироты зачастую недоедали, также выполняли определенную работу на безвозмездной основе, не имели средств гигиены и белья. Кроме того, подвергались «мерам морального воздействия» в виде лишения (и без того скудных) обедов на 1–3 дня [50. С. 3]. Эти условия объяснялись нехваткой денежных средств, несмотря на регулярные благотворительные отчисления в пользу детских домов от лица тех же нэпманов.

Благотворительная деятельность Русской православной церкви в 1920-е гг. сыграла немаловажную роль в жизни советских граждан. «Наиболее ярко нацеленность Церкви на решение злободневных социальных вопросов проявилась в ходе кампании ликвидации голода в Поволжье. В короткий срок было собрано свыше 9 000 000 рублей», – сообщает в статье А.Н. Марченко [51. С. 119].

Действительно, в это время развернулась в большинстве своем добровольная акция со стороны церквей в пользу нуждающихся на территории СССР, включая Тюменский край. Местная пресса призывала: «Хлеб на церковное золото!» [52. С. 3], «Снимите ценности из церквей! Скорее действуйте! Дайте нам обсеменение и мы вам ответим сторицею» [53. С. 2]. Газеты убеждали общественность в том, что акты изъятия ценностей из тюменских церквей производятся на добровольной основе: «Низшее духовенство за изъятие!», «Духовенство и верующие горячо откликнулись на призывы Советской власти спасти голодающих!» [53. С. 2], «Победа Христа и Советской власти» [54. С. 3]. Наряду с этим, в статье «К позорному столбу», опубликованной в «Трудовом набате» в 1922 г. приводится в пример недобросовестное выполнение требований кампании по изъятию церковных ценностей в тюменском монастыре епископом Иринархом. Автор статьи, пожелавший остаться безымянным, сообщает: «...комиссией изъято лишь

18,5 фунтов серебра; на многих иконах найдены лишь маленькие обрывки серебряных риз, по-видимому, поспешно сорванных; на все церкви монастыря оказалась лишь одна серебряная “лжица” (ложечка для причастия)» [54. С. 3]. Главная причина отсутствия церковных ценностей в церквях и монастырях Тюмени и Тюменской губернии, по мнению СМИ, была оккупация территории в годы Гражданской войны белыми и изъятие таковых по распоряжению колчаковских властей [54. С. 3].

1 января 1923 г. были опубликованы результаты работы Помгола в Тюмени за предшествующие 9 месяцев. Сообщалось, что ценных предметов из церквей Тюменской губернии было изъято следующее количество: золота 17 фунтов 94 золотника (около 8 кг), серебра 199 пудов 15 фунтов 67 золотников (более 3 000 кг), бриллиантов и алмазов 183 штуки, жемчугов – 23 золотника (около 100 г), прочих драгоценных камней – 1 888 штук, монет серебряных стоимостью 161 рубль [55. С. 3]. Эти же данные отражены в издании 1922 г. «Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг.», опубликованной ЦК Помгол ВЦИК [19. С. 317–318].

О добровольных актах пожертвования церковных ценностей на территории Чувашии и голодающего Поволжья в начале 1920-х гг. сообщается в монографии Ф.Н. Козлова: «В Чувашии изъятие прошло относительно спокойно. По сведениям местного отдела ГПУ, “никаких заметных неудовольствий как со стороны священнослужителей, так и представителей групп верующих не было”, “острых конфликтов на почве изъятия церковных ценностей не отмечено”... Степень сопротивления изъятию была различной: если в относительно благополучных центральных губерниях дело доходило до кровавых столкновений, то в голодающем Поволжье экспроприация церковных ценностей прошла относительно спокойно» [56. С. 106–108].

М.М. Моргенштерн в статье «15 месяцев голодного фронта», опубликованной в сборнике документов советской власти в 1922 г., характеризует эффективность государственной кампании по изъятию церковных ценностей в пользу голодающего населения СССР. Он отмечает, что организованный патриархом Тихоном «церковный бунт» не имел успеха у верующих и низового духовенства. Напротив, «акт об изъятии был добросовестно выполнен представителями церкви» [17. С. 21].

С одной стороны, случаи насильственного изъятия церковных ценностей спровоцировали протесты от наиболее активных священнослужителей и мирян. В ответ на это власть применила репрессивные меры. «Окончательный запрет на дела милосердия церковных организаций нашел свое место в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР “О религиозных объединениях” от 8 апреля 1929 года», – пишет А.Н. Марченко [51. С. 120].

С другой стороны, «благотворительная» деятельность церквей была крайне важна для голодающего населения и встречалась ее представителями с пониманием, в том числе и в провинциальной Тюмени. В результате добровольных актов пожертвования

представителями церкви, собранные ценности позволили власти приобрести за границей необходимое промышленное оборудование, сельскохозяйственную технику и зерно для засева площадей. Это положительно сказалось на борьбе с голодом и его последствиями в стране.

Советская благотворительность в середине нэпа проявляется наиболее активно, становится массовой. Она коллективная и частная. В ее развитии участвует все население провинциального сибирского города. Эта тенденция была характерна для всей страны.

Многие ученые исчезновение благотворительности из жизни советских граждан связывают с тем, что из СМИ и официальных документов в СССР исчезли термины «благотворительность», «филантропия», «меценатство». Однако отказ советской власти от самого термина «благотворительность» не означал исчезновение этого явления, которое вопреки политическому курсу и идеологии заложено в самой природе человека.

Позиция В.И. Ленина в отношении благотворительности была неизменна и четко сформулирована еще в 1905 г. в работе «Социализм и религия» [57. С. 112]. Она сводилась к тому, что в советском обществе ей нет места. Позиция власти по отношению к благотворительности была прописана в Большой советской энциклопедии 1927 г., где подчеркивалось, что это явление свойственно лишь классовому обществу, а социальному строю в СССР оно чуждо. В 1950-е г. в новом издании энциклопедии отмечалось: «Благотворительность при социализме не нужна, так как в обществе уничтожены нужда и нищета» [7]. Однако каждый раз, когда советская власть сталкивалась с чрезвычайными ситуациями в стране, масштабными социальными проблемами, войной и ее последствиями, она была вынуждена обратиться к благотворительности, используя, в том числе, дореволюционный опыт ее развития. Например, почтово-благотворительные марки с дополнительным номиналом, предназначенным для благотворительных целей. Впервые в России они появились еще в 1904 г. по инициативе Императорского женского патриотического общества, чтобы на собранные от продажи средства оказывать помощь сиротам воинов действующей русской армии в Русско-японской войне [58]. Первые почтово-благотворительные марки в РСФСР были отпечатаны в 1921 г. с целью сбора средств в фонд помощи голодающим Поволжья. В 1924 г. марки вновь вышли в свет, чтобы поддержать граждан Ленинграда, пострадавших от наводнения [59. С. 129–130]. Особый интерес вызывают марки 1927 г. На них изображен детский портрет В.И. Ленина. И это символично, так как денежные средства от их продажи направлялись на помощь беспризорным детям.

Советская власть отказалась от использования терминов «благотворительность», «филантропия», «милосердие», «меценат», «благотворитель». Однако в официальных документах или прессе 1920-х гг. мы часто встречаем слова-синонимы: «пожертвование», «в дар» или «взаимопомощь», «помощь», «забота», «шефство». Все они использовались в значении оказывать добровольное бескорыстное пожертвование в

пользу нуждающихся. Это и есть распространенное определение такого явления, как благотворительность. Однако стоит отметить, что термин «советская благотворительность» нельзя полностью отождествлять с классическим пониманием этого явления. В то же время противопоставлять ему его также не стоит.

Если учесть противоречивость и сложность периода нэпа в российской истории, то приходит понимание, что «советская благотворительность» – это сложный симбиоз добровольных актов благотворения в пользу нуждающихся (например, в 1920-е гг. от лица нэпманов, представителей церкви и рабочего класса), «обязательных» пожертвований в пользу решения социальных проблем (например, введенный общегражданский налог 1921–1922 гг., который позволил на территории Тюменской губернии собрать 3 145 570 рублей [59. С. 315], а по Сибири – 22 028 893 рублей 92 копейки [59. С. 312] на борьбу с голодом) и деятельности благотворительных организаций (например, Международная организация помощи борцам революции и т.д.), контролируемых советской властью. Яркие примеры этого явления характерны для военных и послевоенных периодов в истории СССР, в годы природных катастроф или обострившихся социальных кризисов.

В сибирских газетах 1920-х гг. заголовки статей и заметок пестрели призывами к благотворительной добровольной деятельности: «Советская общественность должна помочь государству!» [60. С. 10], «На помощь Красному Ленинграду! Прием пожертвований!» [61. С. 4], «Помогите школьникам!», «Забота о народном просвещении», «Помощь студенчеству!» [62. С. 10], «В пользу безработных!» [63. С. 2] и т.п.

В Тюмени благотворительные кампании регулярно освещались в местной газете «Трудовой набат» (с конца 1920-х гг. – «Красное знамя»). Призывы о помощи голодающим взрослым и детям в 1921–1923 гг. сменяются просьбами о помощи ленинградцам, пострадавшим от потопа в 1924 г., тюменскому студенчеству и беспризорным детям, численность которых увеличилась из-за последствий голода. Объявленная в стране индустриализация сместила вектор развития благотворительности. Благотворительные сборы в первую очередь шли на строительство самолетов [64], радиостанций и оборону страны [65]. К концу нэпа советская власть заявляет об определенных успехах в решении социальных проблем, а потому в газетах 1930-х гг. такие традиционные категории благотворительности, как «милосердие», «пожертвование», «помощь», практически не употребляются. В новом десятилетии гарантом социальной стабильности становится советская власть, которая до начала Великой Отечественной войны самостоятельно решает возникающие проблемы в социальной сфере.

В заключение определим субъект и объект советской благотворительности, ее формы и популярные сферы благотворительности времен нэпа, масштаб этого явления и мотивы благотворителей, социокультурный статус благотворительности.

Социальная основа благотворительности 1920-х гг. трансформировалась под влиянием экономического и политического развития СССР. В это время, с легализацией частной торговли, появилась новая социальная прослойка общества – нэпманы, которая оказывала бла-

готовительную помощь нуждающимся. Дореволюционные традиции благотворения в новом государстве продолжала сохранять Русская православная церковь. Широкое распространение в советском обществе получила сострадательная благотворительность в отношении голодающих, детей-сирот, пострадавших от ЧС. Коллективные акты пожертвований (денежные отчисления из заработной платы представителей рабочего класса) представителей государственных предприятий и организаций – важная составляющая социальной основы советской благотворительности.

Среди адресатов благотворительной помощи следует отметить инвалидов революционных событий 1917 г. и Гражданской войны (красноармейцы и их семьи, дети-сироты). Экономические потрясения начала 1920-х гг. (засуха и неурожай) стали причиной появления новой категории нуждающихся – голодающих, беспризорников и безработных. Последствия природных катастроф были связаны с гибелью людей и крупным экономическим ущербом. Пострадавшим от стихии в СССР также оказывалась добровольная благотворительная помощь. В результате развития общественных отношений активно пропагандировалась забота о школьниках и студентах. В качестве адресата не всегда выступал человек. Денежных вложений требовала советская промышленность (заводы, фабрики, предприятия).

Сферы и формы благотворительной деятельности меньше подвержены трансформации, нежели ее социальная основа. Однако в советский период, наряду с традиционными формами благотворительности, появляются новые. Например, «обязательная благотворительность», которая выразилась во введении обязательного для всех общегражданского налога в пользу нуждающихся, а также «коллективная благотворительность», распространенная среди представителей рабочего класса. Особенностью нэпа стала направленность благотворительной деятельности в пользу индустриализации страны.

Масштаб советской благотворительности оценить достаточно сложно. В сравнении с дореволюционной

благотворительностью она носила массовый характер. Была не только частной, но и общественной, коллективной. Однако в условиях экономической разрухи, неустойчивости рубля добровольные акты пожертвований исчислялись небольшими денежными суммами или заменялись продовольствием и одеждой.

Мотивы советских благотворителей в большинстве своем были обусловлены не только чувством сострадания к ближнему, но и воспитываемым властью чувством долга перед государством и обществом, что не только не противоречило идеологии социализма, но и являлось его характерной частью. Нэпманы, участвуя в благотворительности, стремились также получить признание от лица советской власти и изменить предвзятое и негативное отношение к себе в обществе. Представители церкви, наряду с проявлением милосердия, старались сохранить в советском обществе православное сознание и религиозность. Иностранные государства, согласно мнению российских ученых, преследовали не только благотворительную цель, но и политическую. Представители АРА (Трубдель) делились своим мнением о мотивах благотворительности Америки в пользу голодающих граждан СССР в американских и советских СМИ: «...американская помощь – не благотворительность, а попытка заглядеть прошлое. Мы должны со стыдом помнить, что американское правительство тратило миллионы долларов на поддержку контрреволюционных пиратов в войне с русским народом. Американцы должны давать голодающим щедро!» [66. С. 2].

Образ советского благотворителя отождествлялся с представителями государственной, кооперативной торговли или рабочего класса. Его активная популяризация в СМИ 1920-х гг. играла важную роль в увеличении объемов благотворительной деятельности. Вопреки идеологическим установкам, отрицанию этого явления властью, можно наблюдать, как менялось ее отношение к данной деятельности в периоды обострения социальных проблем, а также отношение к людям, в нее вовлеченным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мировой рейтинг благотворительности (World Giving Index) фонда Чаритиз Эйд Фаундейшен (CAF). URL: <https://www.cafonline.org/about-us/publications/2019-publications/caf-world-giving-index-10th-edition> (дата обращения: 26.12.2019).
2. В России стали больше помогать незнакомым людям: вышел Мировой рейтинг благотворительности CAF. URL: <https://philanthropy.ru/analysis/2019/10/15/81407/> (дата обращения: 29.12.2019).
3. Чиянова Н. Благотворительность в эпоху пандемии: анализ ситуации. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4391539> (дата обращения: 06.07.2020).
4. Иванов А. Россияне во время пандемии стали чаще жертвовать на благотворительность. URL: <https://secretmag.ru/news/rossiyane-vo-vremya-pandemii-stali-chashe-zhertvovat-na-blagotvoritelnost.htm> (дата обращения: 06.07.2020).
5. Ахмутханова З.А. Благотворительные фонды как источник финансирования социальной сферы в России // Инновационные технологии в науке и образовании : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 15.01.2017). Т. 1. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 224–228.
6. Хакимов Р.Ш. Благотворительность как форма проявления социальной ответственности // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. 2018. Вып. 63, № 12 (422). С. 147–152.
7. Габдрахманова Р.А. Развитие благотворительности в России // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2012. № 2 (13). С. 99–108.
8. Карпова И.Е. История благотворительности и спонсорства в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 377–379.
9. Пантюхина Т. История развития благотворительности в России и на Амуре. URL: <http://www.dvncms.khv.ru/node/299> (дата обращения: 20.12.2019).
10. Аншакова Ю.Ю. Голод в начале 1920-х годов в Поволжье в документах Американской Администрации помощи // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 229–234.
11. Винокуров А.Н. Итоги голодной кампании // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. С. 6–8.
12. Punch: almanack. Vol. CLX–CLXI (160–161). London, 1921. 1128 p.
13. Пайпс Р. Русская революция: в 3 т. : [пер. с англ.] / Р. Пайпс. М. : РОССПЭН, 1994.

14. Внутривластные дискуссии 1920-х годов. Дискуссия 1923 года (продолжение): «заявление 46-ти» в Политбюро ЦК РКП(б) 15 октября 1923 года // Известия ЦК КПСС. М., 1990. № 6(305). С. 189–191.
15. Форд отпускает тракторы в кредит: в Америке закуплено 10 000 тракторов // Советская Сибирь. Новосибирск, 1925. № 284. 4 с.
16. Калинин М. Год работы // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. С. 3–5.
17. Моргенштерн М.М. 15 месяцев голодного фронта // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. С. 9–22.
18. Семашко Н. Дети и голод // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. С. 31–36.
19. Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. 499 с.
20. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 410.
21. ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 357.
22. Grimасы голода // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 990. 4 с.
23. Трупы // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 987. 4 с.
24. Халатов А. Государственная семенная помощь голодающим // Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : Издание ЦК. Помгол ВЦИК, 1922. С. 73–82.
25. Америка голодающим // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 976. 4 с.
26. На голодном фронте. Помощь АРА // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 988. 4 с.
27. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1.
28. Пожертвования в Последгол // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 56. 4 с.
29. По городу. Материальный фонд Последгола // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 58. 4 с.
30. Наша помощь голодающим // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 973. 4 с.
31. Фонд одной папироски // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 986. 4 с.
32. В фонд одной папироски // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 990. 4 с.
33. Шефство // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 988. 4 с.
34. По телефону // Красное знамя. Тюмень, 1929. № 254. 4 с.
35. Как будем праздновать 12 годовщину Октября? // Красное знамя. Тюмень, 1929. № 250. 4 с.
36. ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260.
37. Как идет помощь детям // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 152. 4 с.
38. День Красного студента // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 10. 4 с.
39. День детского городка имени В.И. Ленина // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 119. 4 с.
40. Сотрудники ГУМа помогли ленинградцам // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 228. 4 с.
41. Праздничная торговля // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 72. 4 с.
42. Детскому городку от кооперации // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 214. 4 с.
43. Помощь детям // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 160. 4 с.
44. Тюменский день. Мелочи жизни: нэпман женится // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 37. 4 с.
45. Из писем читателей: тоже благотворительность // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 14. 4 с.
46. Поможем беспризорным детям: наши взносы и вызовы // Трудовой набат. Тюмень, 1926. № 56. 4 с.
47. На вызов редакции // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 240. 4 с.
48. По вызову братьев Вилькер // Трудовой набат. Тюмень, 1924. № 244. 4 с.
49. По Тюмени. Эксплуатируют // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 128. 4 с.
50. Народное просвещение. Следует помочь // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 60. 4 с.
51. Марченко А.Н. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в советском государстве (1918–1964-е годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. История. Вып. 24, № 15 (116). С. 118–132.
52. На борьбу с голодом. Хлеб на церковное золото // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 988. 4 с.
53. Наша помощь голодающим // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 976. 4 с.
54. На голодном фронте // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 977. 4 с.
55. Итоги работы Помгола // Трудовой набат. Тюмень, 1923. № 1. 4 с.
56. Козлов Ф.Н. Голод 1921–1922 годов и изъятие церковных ценностей в Чувашии. Чебоксары : Новое время, 2011. 176 с.
57. Ленин В.И. Социализм и религия // Полное собрание сочинений. М., 1968. Т. 12. 575 с.
58. Буслаява Г.Б. Российские благотворительные знаки времен Первой Мировой войны в коллекции П.Л. Драверта // Первые Ядринцевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева. Омск, 2012. С. 207–210
59. Буслаява Г.Б. Советские благотворительные знаки в собрании П.Л. Драверта // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2019. № 22. С. 129–135.
60. Нужно построить реформаториум: детская беспризорность порождает детскую преступность // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. № 294. 10 с.
61. На помощь Красному Ленинграду // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. № 263. 10 с.
62. Забота о народном просвещении. Помогите школьникам. Помощь студенчеству // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1924. № 263. 10 с.
63. В пользу безработных // Советская Сибирь. Новониколаевск, 1925. № 284. 10 с.
64. Наш ответ Чемберлену // Красное знамя. Тюмень, 1927. № 144. 4 с.
65. Радиоволнами: свяжем страну с Дальневосточным краем // Красное знамя. Тюмень, 1929. № 274. 4 с.
66. Американец о советской России // Трудовой набат. Тюмень, 1922. № 980. 4 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 июля 2020 г.

“Soviet Charity” in the 1920s (On the Example of Provincial Tyumen): Scientific Myths and Reality

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 139–150.

DOI: 10.17223/15617793/471/17

Olesya O. Korsukova, Library and Museum Complex of the University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: o.o.korsukova@utmn.ru

Keywords: charity; NEP; famine; child homelessness; donations to charity.

It is well established in Russian historiography that there was no charity in Soviet Russia. Modern researchers (A. Kovalev, I.K. Vysotskiy, A.N. Marchenko, et al.) dispute this thesis and give reasons for the existence of charity in this period. The author of the article, supporting the new scientific endeavor, aims at proving (on the example of provincial Tyumen) that social problems caused by the revolution of 1917, the Civil War, and the famine at the beginning of the 1920s stimulated not only the development of state social support of people, but also the development of charity during the NEP period. In the course of a historiographic analysis the author defines the main scientific myths based upon the denial of “Soviet charity”. A case study of the information found in archives

and media sources of the 1920s allows the author to dispel these myths and come to the conclusions that Soviet charity during the NEP period is a successful symbiosis of pre-revolutionary philanthropy and state social support of people through which the authorities successfully solved problems in the social sphere. The author pays special attention to exploring the charity of the USA and European states in the USSR during the famine period at the beginning of the 1920s. The assistance of capitalist countries in the fight against the famine was timely and saved lives of millions of Soviet citizens. This fact allows refuting the assertion, common among researchers, that, after 1917, all social problems in the USSR were solved solely by the Soviet authorities. In the course of the research, the author also disputes the thesis about the loss of all pre-revolutionary charity traditions in Soviet Russia. The provincial Siberian town had strong traditions of patronage until 1917. Many of them formed the basis of charity campaigns in Tyumen. The press was the main driver for the development of charity, as it covered the acts of charity and urged to help the people in need.

REFERENCES

1. *CAF World Giving Index*. [Online] Available from: <https://www.cafonline.org/about-us/publications/2019-publications/caf-world-giving-index-10th-edition> (Accessed: 26.12.2019).
2. Philanthropy.ru. (2019) *V Rossii stali bol'she pomagat' neznakomym lyudyam: vyshel Mirovoy reyting blagotvoritel'nosti CAF* [In Russia, they began to help strangers more: the CAF World Giving Rating has been released]. [Online] Available from: <https://philanthropy.ru/analysis/2019/10/15/81407/> (Accessed: 29.12.2019).
3. Chiyanova, N. (2020) *Blagotvoritel'nost' v epokhu pandemii: analiz situatsii* [Charity in the era of the pandemic: an analysis of the situation]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4391539> (Accessed: 06.07.2020).
4. Ivanov, A. (2020) *Rossiyanе vo vremya pandemii stali chashche zhertvovat' na blagotvoritel'nost'* [During the pandemic, Russians began to donate to charity more often]. [Online] Available from: <https://secretmag.ru/news/rossiyanе-vo-vremya-pandemii-stali-chashe-zhertvovat-na-blagotvoritel'nost.htm> (Accessed: 06.07.2020).
5. Akhmutkhanova, Z.A. (2017) [Charitable foundations as a source of financing the social sphere in Russia]. *Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [Innovative technologies in science and education]. Proceedings of the International Conference. Cheboksary. 15 January 2017. Vol. 1. Cheboksary: TsNS "Interaktiv plus". pp. 224–228. (In Russian).
6. Khakimov, R.Sh. (2018) Charity as a Form of Social Responsibility. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 63:12 (422). pp. 147–152. (In Russian).
7. Gabdrakhmanova, R.A. (2012) Razvitie blagotvoritel'nosti v Rossii [Development of charity in Russia]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta*. 2 (13). pp. 99–108.
8. Karpova, I.E. (2013) Istoriya blagotvoritel'nosti i sponsorstva v Rossii [History of charity and sponsorship in Russia]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 4. pp. 377–379.
9. Pantyukhina, T. (2006) *Istoriya razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii i na Amure* [The history of the development of charity in Russia and in the Amur region]. [Online] Available from: <http://www.dvncms.khv.ru/node/299> (Accessed: 20.12.2019).
10. Anshakova, Yu.Yu. (2011) Golod v nachale 1920-kh godov v Povolzh'e v dokumentakh Amerikanskoy Administratsii pomoshchi [Famine in the early 1920s in the Volga region in the documents of the American Relief Administration]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk*. 13 (3). pp. 229–234.
11. Vinokurov, A.N. (1922) Itogi golodnoy kampanii [Results of the anti-famine campaign]. In: *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i ochetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK. pp. 6–8.
12. *Punch* (London). (1921) The Almanack issue. 160–161.
13. Pipes, R. (1994) *Russkaya revolyutsiya: v 3 t.* [The Russian Revolution: in 3 volumes]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
14. *Izvestiya TsK KPSS*. (1990) Vnutripartiynye diskussii 1920-kh godov. Diskussiya 1923 goda (prodolzhenie): "zayavlenie 46-ti" v Politbyuro TsK RKP(b) 15 oktyabrya 1923 goda [Intra-party discussions of the 1920s. Discussion of 1923 (continued): The Statement of 46 in the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) on October 15, 1923]. 6 (305). pp. 189–191.
15. *Sovetskaya Sibir'* (Novosibirsk). (1925) Ford otpuskaet traktory v kredit: v Amerike zakupleno 10 000 traktorov [Ford sells tractors on credit: 10,000 tractors were purchased in America]. 284.
16. Kalinin, M. (1922) God raboty [A year of work]. In: *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i ochetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK. pp. 3–5.
17. Morgenshtern, M.M. (1922) 15 mesyatsev golodnogo fronta [15 months of the famine front]. In: *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i ochetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK. pp. 9–22.
18. Semashko, N. (1922) Deti i golod [Children and famine]. In: *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i ochetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK. pp. 31–36.
19. Pomgol. (1922) *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i ochetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK.
20. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1. List 1. File 410.
21. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1. List 1. File 357.
22. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Grimasy goloda [Grimaces of famine]. 990.
23. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Trupy [Corpses]. 987.
24. Khalatov, A. (1922) Gosudarstvennaya semennaya pomoshch' golodayushchim [State aid with seeds to the starving]. In: *Itogi bor'by s golodom v 1921–1922 gg.: sb. st. i ochetov* [Results of the fight against the famine in 1921–1922: Articles and reports]. Moscow: Izdanie TsK. Pomgol VTsIK. pp. 73–82.
25. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Amerika golodayushchim [America to the starving]. 976.
26. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Na golodnom fronte. Pomoshch' ARA [On the famine front. ARA helps]. 988.
27. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). Fund 20. List 1. File 1.
28. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Pozhertvovaniya v Posledgol [Donations to Posledgol]. 56.
29. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Po gorodu. Material'nyy fond Posledgola [Around the city. Material Fund of Posledgol]. 58.
30. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Nasha pomoshch' golodayushchim [Our help to the starving]. 973.
31. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Fond odnoy papiroski [The one cigarette foundation]. 986.
32. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) V fond odnoy papiroski [For the one cigarette foundation]. 990.
33. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Shefstvo [Patronage]. 988.
34. *Krasnoe znamya* (Tyumen). (1929) Po telefonu [On the phone]. 254.
35. *Krasnoe znamya* (Tyumen). (1929) Kak budem prazdnovat' 12 godovshchinu Oktyabrya? [How will we celebrate the 12th anniversary of the October <Revolution>?]. 250.
36. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 1. List 1. File 260.
37. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Kak idet pomoshch' detyam [The state of help for children]. 152.
38. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Den' Krasnogo studenta [Day of the Red student]. 10.
39. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Den' detskogo gorodka imeni V.I. Lenina [Day of the children's town named after V.I. Lenin]. 119.

40. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Sotrudniki GUMa pomogli leningradtsam [GUM employees helped Leningraders]. 228.
41. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Prazdnichnaya trgovlya [Holiday trade]. 72.
42. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Detskomu gorodku ot kooperatsii [To the children's town from cooperatives]. 214.
43. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Pomoshch' detyam [Help for children]. 160.
44. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Tyumenskiy den'. Melochi zhizni: nepman zhenitsya [Tyumen day. Little things in life: A NEPman is getting married]. 37.
45. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Iz pisem chitateley: tozhe blagotvoritel'nost' [From readers' letters: also charity]. 14.
46. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1926) Pomozhem besprizornym detyam: nashi vnosy i vyzovy [Let's help homeless children: our contributions and challenges]. 56.
47. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Na vyzov redaktsii [To the editors' call]. 240.
48. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1924) Po vyzovu brat'ev Vil'ker [Called by the Wilker brothers]. 244.
49. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Po Tyumeni. Eksploatiruyut [In Tyumen. Exploitation]. 128.
50. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Narodnoe prosveshchenie. Sleduet pomoch' [Public education. One should help]. 60.
51. Marchenko, A.N. (2008) Blagotvoritel'naya deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v sovetskom gosudarstve (1918–1964-e gody) [Charitable activities of the Russian Orthodox Church in the Soviet state (1918–1964)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 24.;15 (116). pp. 118–132.
52. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Na bor'bu s golodom. Khleb na tserkovnoe zoloto [To fight the famine. Bread for church gold]. 988.
53. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Nasha pomoshch' golodayushchim [Our help to the starving]. 976.
54. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Na golodnom fronte [At the famine front]. 977.
55. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1923) Itogi raboty Pomgola [The results of Pomgol's work]. 1.
56. Kozlov, F.N. (2011) *Golod 1921–1922 godov i iz'yatie tserkovnykh tsennostey v Chuvashii* [The famine of 1921–1922 and the seizure of church valuables in Chuvashia]. Cheboksary: Novoe vremya.
57. Lenin, V.I. (1968) Sotsializm i religiya [Socialism and Religion]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 12. Moscow: GIPL.
58. Buslaeva, G.B. (2012) [Russian charity signs from the First World War in the collection of P.L. Dravert]. *Pervye Yadrintsevskie chteniya* [The first Yadrintsev readings]. Conference Proceedings. Omsk. pp. 207–210. (In Russian).
59. Buslaeva, G.B. (2019) Soviet charity signs in the collection of P.L. Dravert. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 22. pp. 129–135. (In Russian).
60. *Sovetskaya Sibir'* (Novonikolaevsk). (1924) Nuzhno postroit' reformatorium: detskaya besprizornost' porozhdaet detskuyu prestupnost' [It is necessary to build a reformatorium: child homelessness breeds juvenile delinquency]. 294.
61. *Sovetskaya Sibir'* (Novonikolaevsk). (1924) Na pomoshch' Krasnomu Leningradu [Helping the Red Leningrad]. 263.
62. *Sovetskaya Sibir'* (Novonikolaevsk). (1924) Zabota o narodnom prosveshchenii. Pomogite shkol'nikam. Pomoshch' studenchestvu [Concern for public education. Help pupils. Help for students]. 263.
63. *Sovetskaya Sibir'* (Novonikolaevsk). (1925) V pol'zu bezrabotnykh [For the unemployed]. 284.
64. *Krasnoe znamya* (Tyumen). (1927) Nash otvet Chamberlenu [Our response to Chamberlain]. 144.
65. *Krasnoe znamya* (Tyumen). (1929) Radiovolnami: svyazhem stranu s Dal'nevostochnym kraem [By radio waves: we will connect the country with the Far Eastern region]. 274.
66. *Trudovoy nabat* (Tyumen). (1922) Amerikanets o sovetskoy Rossii [An American on Soviet Russia] 980.

Received: 30 July 2020